

Стоило прозвучать четырём иероглифам — Успокаивающее душу дерево, как лицо главы Бюро Астрономии тут же изменилось.

Цзи Ушуан не стал заставлять повторять дважды.

— Обыскать.

Императорская гвардия немедленно притащила пленных обратно к месту засады и извлекла из межстенки повозки арьергарда чёрный деревянный ларец.

Ларец был длиной не больше фута, а снаружи обвивал девятислойный красный шнур. На крышке киноварью были выписаны знаки с датой рождения, а в самом конце красовалась половина оттиска сургучной печати из казны Сяо Цзинхэна.

Ше Чанфэн, прятаясь за дверью тайной комнаты, бросил на него один взгляд, и у него по спине побежали мурашки.

Это была его дата рождения.

Время совпало до часа.

Кто же составляет молитвы о благополучии так, будто они приближают смерть?

Цзи Ушуан заслонил ему обзор:

— Нельзя смотреть.

Ше Чанфэн тут же вжался в стены, прижал к груди лисий мех и тихонько пробормотал:

— Страшный.

Цзи Ушуан посмотрел на главного астронома:

— Проведи проверку ци через ширму, открывать ларец запрещено.

Астроном не посмел подходить слишком близко, велел принести желтую тканевую ширму, а снаружи повесил к ней три бронзовых колокольчика.

Стоило ему отойти на три чжана, как колокольчики зазвенели сами собой, без всякого ветра — звук стоял тонкий и леденящий, будто кто-то скрежетал зубами прямо у самого уха.

Лицо астронома позеленело, он попятился на несколько шагов:

— Ваше Величество, эту вещь нельзя приносить в загородную резиденцию.

— Говори толком.

— В ларце запечатана застарелая злоба с полей сражений.

Астроном сглотнул слюну:

— Подобная злоба должна рассеиваться на заброшенных могильниках и в кровавой земле, но ныне её связало Успокаивающее душу дерево, да ещё и направили по чужой дате рождения — она губительна для тех, чья судьба слаба. Если открыть ларец рядом с Защитником Государства, в лучшем случае он от испуга занедужит жестокой лихорадкой, а в худшем — его жизненная ци придет в полное расстройство.

Слушая это, Ше Чанфэн чувствовал, как у него в груди холодеет.

Судьба слаба?

Это он сейчас про его нынешнюю роль дурачка?

Ше Чанфэн украдкой пошарил в рукаве, надеясь найти хоть кусочек пирожного, чтобы заесть страх, но пальцы нащупали лишь пустоту.

Цзи Ушуан пристально смотрел на деревянный ларец, запуская в мыслях симуляцию.

[Если ларец откроется в пределах трех чжанов от Ше Чанфэна.]

[Горный источник в купальнях повернется вспять.]

[Жизненная ци Ше Чанфэна вырвется наружу.]

[Маска слабоумия треснет.]

[Небесная кара настигнет.]

[Ты погибнешь.]

Во взгляде Цзи Ушуана сгустилась тень.

Маска слабоумия треснет.

Эти слова резали глаза сильнее, чем ты погигнешь.

Ше Чанфэн и впрямь не был настоящим дураком.

Но сейчас неподходящее время для расспросов. Истинно он безумен или притворяется — сперва нужно сберечь человека, это единственный путь к выживанию.

Перед глазами всплыла вторая симуляция.

[Если ты немедленно сожжешь ларец.]

[Злоба вместе с ветром проникнет в город.]

[Триста немощных и больных людей в столице падут жертвами кошмаров.]

[Народное недовольство закипит.]

[Ты погибнешь.]

Цзи Ушуан разжал пальцы на рукояти меча.

Нельзя открывать ларец рядом с Ше Чанфэном, но и сжигать нельзя.

Тогда пусть возвращается к хозяину.

Он перевёл взгляд на сургучную печать на ларце:

— Сяо Цзинхэн использовал печать как путеводную нить, желая наслать злобу на Защитника Государства. Что ж, одиночке любопытно взглянуть, признает ли злоба своего прежнего хозяина.

Ли Дэцюань тихо произнес:

— Ваше Величество, отправить это в резиденцию регента?

— Не отправить, — голос Цзи Ушуана прозвучал холодно. — А вернуть.

Императорская гвардия среди ночи двинулась с ларцом в город.

Цзи Ушуан не стал возвращаться во дворец — он лишь приказал перекрыть улицу перед особняком Сяо Цзинхэна, а также велел Цзинчжаофу (Столичной управе), Цзунчжэньсы и Бюро Астрономии прибыть на место в качестве свидетелей.

Сам же он остался в дорожной беседке.

Ше Чанфэн сидел за столом, пытаясь заново собрать рассыпавшееся пирожное-черепаху. Вот только как он ни старался, у панциря вечно не хватало одного угла.

Цзи Ушуан посмотрел на него:

— Всё еще боишься?

Ше Чанфэн покачал головой и отодвинул угловатую черепаху подальше:

— Она боится.

Цзи Ушуан снял накидку и набросил ему на плечи:

— Тогда пусть тоже греется.

От накидки пахло лекарствами и легким холодком драгоценного благовония, и когда она опустилась сверху, Ше Чанфэна укутало почти с головой.

Он замер, прихватив пальцами край ткани.

Отчего это тиран сегодня вечно норовит укрыть его всякими вещами?

Уж не боится ли, что если он окочурится от холода, некому будет принимать на себя его беды?

Чем больше Ше Чанфэн думал об этом, тем более логичным казалось объяснение, и он послушно спрятался в глубине накидки.

Тем временем перед парадными воротами особняка Сяо Цзинхэна факелы освещали притолоку так ярко, что было светло как днем.

Когда Сяо Цзинхэна по требованию Цзунчжэньсы вывели наружу, вид у него был вовсе не простодушным. Он придерживал правой рукой манжету, по-прежнему сохраняя привычную мягкость в манерах.

— Окружать особняк среди ночи — что это должно значить, Ваше Величество?

Ли Дэцюань стоял у подножия ступеней, взмахнув метелкой:

— Охрана Вашего Высочества совершила ночное нападение на императорский паланкин, да еще привезла с собой Успокаивающее дерево в деревянном ларце с умыслом причинить вред Защитнику Государства. На то воля императора: вещь возвращается законному владельцу, вскройте её прилюдно.

Взгляд Сяо Цзинхэна упал на черный ларец, в глубине глаз на мгновение мелькнула тень.

— Мне не ведома эта вещь.

Глава Бюро Астрономии бесстрастно произнес:

— Ведома она ванся или нет, ларец сам разберется.

С этими словами он лично поддел сквозь полоску с заклинанием первую красную нить.

На ветру тонко звякнул колокольчик.

Вторая нить. Третья.

С каждой разорванной нитью факелы перед воротами особняка тускнели на шаг.

Лица собравшихся вокруг чиновников из императорского рода и Цзинчжаофу переменились. Кто-то попытался отступить, но императорские гвардейцы преградили им путь, возвращая на прежние места.

Девять красных нитей лопнули одна за другой, и крышка черного ларца со щелчком приподнялась.

Холодная черная дымка вырвалась из недр ларца.

Она не метнулась в сторону императорского дворца и не растворилась в переулках, а сделала круг в воздухе, словно зверь, почуявший запах крови.

На дне ларца половина сургучной печати дома Сяо оказалась объята черной дымкой, издав тихий потрескивающий звук.

На лице Сяо Цзинхэна наконец дрогнуло самообладание:

— Назад!

Но было уже поздно.

Скрутившись в вихрь вместе с крошками сургуча, черная дымка стрелой ринулась к воротам особняка.

Стоило злобе коснуться порога, под которым, судя по всему, заранее был зарыт какой-то призывный знак, как все бронзовые кольца на воротах особняка издали оглушительный, пронзительный звон.

Грудь Сяо Цзинхэна тяжело вздыбилась, и он выплюнул полный рот крови.

Опираясь рукой о дверной косяк, он увидел, как манжета на его правом рукаве разодралась от черной дымки, а кожа покрылась безобразными черными пятнами, ползущими от запястья вверх по предплечью.

Чиновники из Цзунчжэньсы от испяга попятились на два шага:

— Ваше Высочество!

Сяо Цзинхэн крепко стиснул зубы, с силой дернув манжету вниз, а взгляд его стал ядовитым и холодным, как у гадюки.

Ли Дэцюань наблюдал за этим со злорадством на душе, но лишнего говорить не посмел, лишь громко выкрикнул:

— Все вы сами видели. Деревянный ларец по сургучному следу вернулся в резиденцию регента. А в этом деле Его Величество разберется по всей справедливости.

В дорожной беседке Ше Чанфэн как раз держал в руках чашку чая, когда его внезапно одолели чих.

Чай чуть не плеснул через край.

Он потер нос и пробормотал себе под нос:

— Холодный ветер.

Цзи Ушуан поднялся едва ли не мгновенно и затянул накидку, которую до этого лишь напустил на плечи Ше Чанфэна, кутая того так, что снаружи осталось видно только лицо.

— Ли Дэцюань, подбрось угля.

Ше Чанфэн моргнул.

Тиран нервничает?

Едва ли стоило так переживать из-за простого чиха.

Скрытный дозорный быстро вернулся из города и, опустившись на колени за дверью, доложил:

— Ваше Величество, ларец уже вскрыт у ворот резиденции регента. Злоба по сургучному следу проникла внутрь особняка, Сяо Цзинхэн прилюдно выплюнул кровь, на его правой руке проступили черные пятна.

В глазах Цзи Ушуана не было и следа радости:

— Он признал вину?

— Не признал.

Дозорный склонил голову:

— Регент тут же передал прошение с повинной, заявив, что это охрана особняка действовала самовольно, а он не уследил, и потому готов понести наказание.

Цзи Ушуан холодно обронил:

— Только за то, что плохо управлялся с людьми?

Дозорный на мгновение замешкался и протянул обеими руками свиток.

— Вави Ван также сказал, что Успокаивающее душу дерево не является вредоносным предметом, а служит лишь даром молитвы о благополучии, преподнесенным Четырьмя великими кланами Защитнику Государства.

<http://bllate.org/book/19343/1891467>